

С. Н. ЦВѢТКОВЪ.

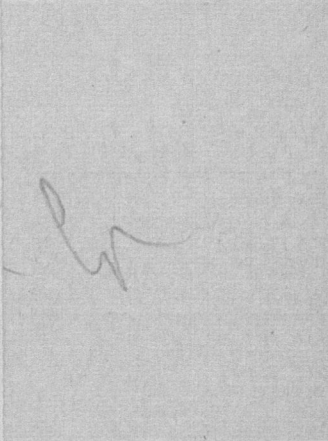
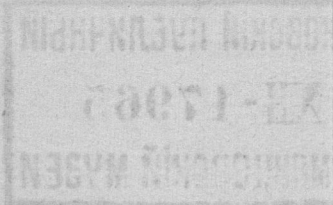
Вывозъ изъ Москвы Государствен-
ныхъ сокровищъ въ 1812 году.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XII-17965
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕЙ

 ПЕЧАТНЯ А.И. СНЕГИРЕВОЙ МОСКВА.

1912.

Вывозъ изъ Москвы Государственныхъ сокровищъ въ 1812 году.

Французская Армія двигалась къ Москвѣ. Начальникъ Дворцовой Экспедиціи Валуевъ, страшась за судьбу Государственныхъ сокровищъ, ввѣренныхъ его заботамъ, неоднократно обращался къ Растопчину за указаніями, предлагая начать перевозку сокровищъ въ безопасное мѣсто, но Растопчинъ давалъ успокоительные отвѣты. Вполнѣ довѣряя освѣдомленности Растопчина, Валуевъ не дѣлалъ никакихъ приготовленій къ переѣзду и даже продолжалъ работы въ строящихся зданіяхъ Синодальной типографіи и зданіи для храненія Государственныхъ сокровищъ, которому суждено было, черезъ нѣсколько дней, подвергнуться разрушенію. Черезъ нѣкоторое время Валуевъ самъ понялъ, что

медлить дальше нельзя; онъ поручилъ члену Дворцовой Экспедиціи Поливанову приступить къ укладкѣ Государственныхъ сокровищъ и отправкѣ ихъ сперва въ Нижній-Новгородъ, а если будетъ нужда, то и дальше въ Казань. Валуевъ потребовалъ у Растопчина 125 паръ лошадей и денегъ, необходимыхъ для перевозки: Растопчинъ не возражалъ, онъ настаивалъ лишь на томъ, чтобы послѣ вывоза сокровищъ занятія въ Экспедиціи продолжались и чиновники оставались на мѣстахъ. Валуевъ и Поливановъ понимали, что времени мало, надо торопиться, многое принуждены они были оставлять не было ни средствъ, ни времени, для укладки. Старинное громоздкое оружіе, серебрянныя рамы изъ дворцовъ, старыя матеріи, костюмы—все это приходилось оставлять врагамъ. Работая дни и ночи надъ укладкой вещей, энергичный Поливановъ находилъ время прятать оставшіяся вещи въ потайныя кладовыя и другія скрытыя мѣста. Неограничиваясь увозомъ вещей изъ Оружейной Палаты, частью Патріаршей ризницы, Дворцовъ и Грановитой палаты, Поливановъ взялъ нѣкоторыя древнія вещи и изъ Кремлевскихъ Соборовъ, и многое, цѣнное по своей старинѣ, собралъ онъ изъ церкви Спаса на Бору. Французская армія приближалась, надо было торопиться съ отъѣздомъ. Большой обозъ, около 150 повозокъ, проѣхалъ рано утромъ заставу, его сопровождалъ Поливановъ, штатъ чиновниковъ и служащихъ Дворцоваго Управленія. Обозъ скрылся, но въ Кремлѣ продолжалась лихорадочная работа, спасали все, что можно. Все дѣла и архивы были спрятаны, многое цѣнное, что не могъ увезти съ собой Поливановъ изъ Дворцовъ, придворныя служаціе прятали въ скрытыя мѣста, клали серебрянныя вещи подъ полъ, зарывали въ землю и т. д. Наконецъ было рѣшено закрыть Дворцовую Экспедицію и ѣхать въ

Нижній-Новгородъ. Часть служащихъ отправилась во Владимірѣ, куда уѣхаль и самъ Валуевъ. Нѣсколько придворныхъ служащихъ еще оставались въ Кремлѣ, до послѣдней минуты, собирая и пряча цѣнные вещи.

2 сентября въ 6 ч. пополудни французы появились на улицахъ Москвы, одновременно съ этимъ Комендантъ оставилъ Москву, съ нимъ вмѣстѣ бѣжали изъ Москвы и придворные служащіе, работавшіе въ Кремлѣ. Нѣсколько человѣкъ, укладывая и пряча вещи, были захвачены французами, изъ коихъ одинъ Кохъ, бѣжавшій изъ плѣна на шестой день, рассказывалъ о вступленіи Французовъ въ Кремль и о тѣхъ безчинствахъ, которые творили они тамъ. Изъ служащихъ Дворцоваго вѣдомства были захвачены французами шесть человѣкъ, въ числѣ которыхъ находился придворный священникъ, запасного Дворца, Гавриловъ, съ этими несчастными плѣнниками французы поступали очень сурово, ихъ заперли въ темное, сырое помѣщеніе, кормили плохо, при этомъ заключенные страдали отъ холода, за неимѣніемъ теплой одежды. Ко всѣмъ просьбамъ заключенныхъ французы оставались глухи, или же, по рассказамъ плѣннаго священника, французы отвѣчали насмѣшками, не рѣдко и ударами. Неожиданно всѣ заключенные получаютъ полную свободу, которую выхлопоталъ для нихъ чиновникъ Дворцоваго вѣдомства Вишневскій—его исторія очень загадочна, неизвѣстно почему остававшійся въ Москвѣ Вишневскій, становится защитникомъ своихъ сослуживцевъ и подчиненныхъ, пользуясь самъ не только свободой, но и значительной властью. Вмѣстѣ со свободой Вишневскій возвращаетъ заключеннымъ ихъ имущество. Священнику запасного Дворца, по его же просьбѣ, разрѣшается совершать службу, ему дается для этого необходимая утварь. Ежедневно священникъ Гавриловъ

совершаетъ молебствія о дарованіи побѣды русскому воинству, онъ возноситъ молитвы о Благочестивѣйшемъ Государѣ Императорѣ и о покореніи подъ нозі его всякаго врага и супостата. Трудно разгадать роль Вишневекаго, можно предполагать, что онъ былъ на службѣ Наполеона, и какъ человѣкъ дальновидный, чтобы реабилитировать себя на случай неудачи Наполеона, передъ прежнимъ начальствомъ, Вишневскій становится ангеломъ хранителемъ, оставшихся въ Москвѣ чиновъ Дворцоваго Вѣдомства. Впослѣдствіи Вишневскій былъ преданъ суду по обвиненію въ измѣнѣ.

Узнавъ, что все цѣнное вывезено изъ Кремля, французы принялись за поиски, поймавъ, гдѣ-то въ Кремлѣ унтеръ-офицера Дворцовой инвалидной роты, они требовали отъ него указать путь, по которому направился обозъ съ государственными сокровищами, унтеръ-офицеръ отвѣтилъ незнаціемъ и никакія угрозы и удары не заставили его указать направленія, или открыть тайныя кладовыя. Разсерженные французы убили вѣрнаго своему долгу унтеръ-офицера, но къ сожалѣнію имя этого героя не сохранилось. Выѣхавъ изъ Москвы, Государственныя сокровища были въ Касимовѣ нагружены на барки и далѣе плыли черезъ Муромъ въ Н.-Новгородъ. Плаваніе было очень тяжелое, барки шли медленно, ежеминутно боялись попасть на мель, боялись разбиться о камни и т. д. Ко всеѣмъ этимъ затрудненіямъ присоединился страхъ за возможное нападеніе, т. к. сокровища могли привлекать вниманіе многихъ. Поливановъ рѣшилъ строго сохранять тайну своего груза, говоря по дорогѣ, что онъ везетъ казенную амуницію для войскъ. Наконецъ Госуд. сокр. благополучно прибыли въ Н.-Новгородъ. Губернаторъ гр. Толстой, предупрежденный объ этомъ ранѣе, отнесся очень холодно. Вещи были помѣщены въ сырые нетопленные

подвалы, охрана была самая ненадежная. Казалось Губернаторъ забывалъ какія огромныя историческія цѣнности ввѣряются его попеченію. Со времени пріѣзда въ Нижній-Новгородъ для чиновъ, сопровождавшихъ Государственныя сокровища начинаются тяжелые дни. Оторванные отъ семей, домовъ и родныхъ мѣстъ Поливановъ и его подчиненные начинаютъ испытывать матеріальную нужду, жизнь дорожаетъ, а небольшой денежный запасъ таетъ. Поливановъ пишетъ объ этомъ своему начальнику Валуеву во Владимірѣ, но отвѣтъ получается неутѣшительный: „я самъ сижу“ пишетъ Валуевъ „безъ гроша“. Обращается Поливановъ къ Губернатору, но гр. Толстой холодно отвѣчаетъ, что храненіе государственныхъ сокровищъ не дѣло его вѣдомства, онъ обязанъ лишь дать помѣщеніе. Чтобы оплатить квартиры и столъ служащихъ Поливановъ принужденъ обратиться къ крайнему средству, онъ начинаетъ занимать деньги у частныхъ лицъ, но кредитъ, оказываемый Поливанову не великъ, деньги быстро уходятъ, а впереди опять нужда. Наконецъ на помощь приходитъ сослуживецъ Поливанова кн. Урусовъ, который даетъ изъ своихъ средствъ заимообразно 2000 р. Время идетъ, событія смѣняются одно другимъ, пришла и радостная вѣсть—Москва свободна, Наполеонъ отступаетъ. Однимъ изъ первыхъ вернулся въ Москву Валуевъ и былъ пораженъ сразу установившемуся порядку, благодаря распорядительности коменданта Иловайскаго 4-го, который напимѣръ сумѣлъ удержать цѣну, на хлѣбъ 4 к. за фунтъ, открывъ базаръ на площади передъ домомъ Генераль - Губернатора, но позднѣе, съ замѣной Иловайскаго другимъ, тотъ же хлѣбъ поднялся до 9 к. ф. По возвращеніи Валуева въ Москву его ждало много затрудненій, найдя свой домъ сожженнымъ, Валуевъ проситъ Растопчина от-

вести ему, какъ служебному лицу, помѣщеніе, но Растопчинъ не спѣшитъ исполнить законную просьбу Валужева; лишь послѣ ряда настойчивыхъ просьбъ, ему даютъ д. Яковлева, въ Леонтьевскомъ пер., гдѣ жилъ Барклай-де-Толли, свита котораго долго не хотѣла очистить помѣщеніе для Валужева. Не упуская случая, чѣмъ-либо уязвить Валужева, Растопчинъ черезъ нѣсколько дней проситъ Валужева освободить домъ, т. е. онъ нужнѣе для другихъ болѣе важныхъ цѣлей, мотивируя это тѣмъ, что всѣ несутъ тягости и нужду. Не смотря на всѣ препятствія Валужевъ энергично принимается за дѣло, онъ пытается проникнуть въ Кремль, чтобы видѣть картину разрушенія и намѣтить дальнѣйшій планъ работъ, но Валужева въ Кремль не пустили, онъ вошелъ туда лишь черезъ 3 мѣсяца, когда былъ разрѣшенъ входъ всѣмъ желающимъ, несмотря на то, что, по своему служебному положенію, онъ является главнымъ хранителемъ дворцовъ, придворныхъ церквей и всего дворцоваго имущества и можетъ быть, многое сохранилось-бы лучше, если-бы Валужевъ самъ распорядился тѣмъ, что ввѣряется его попеченію. Терпя въ Москвѣ всякаго рода притѣсненія, Валужевъ былъ очень озабоченъ судьбой Государственныхъ сокровищъ, которыя продолжали оставаться въ Нижнемъ. Поливановъ писалъ о нуждѣ, которую онъ испытывалъ, просилъ денегъ, Валужевъ былъ безсиленъ помочь ему, онъ пытался ѣхать въ Петербургъ, но не получилъ на это разрѣшенія, ему было сказано что присутствіе въ Москвѣ Начальника Дворцовой Экспедиціи необходимо въ настоящее тяжелое время, между тѣмъ ему не давали въ Москвѣ, ни помѣщенія, ни возможности войти въ Кремль, къ мѣсту своей службы. Черезъ нѣкоторое время Поливановъ ясно понялъ, что дальнѣйшее пребываніе въ Нижнемъ будетъ стоить большихъ жертвъ,

сырое помѣщеніе чувствовалось, стали портиться старинныя ткани, потемнѣло золотое шитье, появилась плеснь и ржавчина. Поливановъ пріѣхалъ въ Москву для совѣщанія съ Валуевымъ, было рѣшено, занявъ деньги на выѣздъ двинуться во Владиміръ. Пользуясь своимъ пребываніемъ въ Москвѣ, Поливановъ пробирается въ Кремль и осматриваетъ вещи, которыя спрятали онъ въ секретныя кладовыя, осмотръ далъ самые неожиданныя результаты: почти все было цѣло. Поливановъ провѣривъ вещи, запечаталъ кладовыя казенной печатью и выѣхалъ въ Нижній. Снова начались поиски денегъ, долго Поливановъ не могъ найти лица, которое ссудило бы 2000—3000 р. для перевозки сокровищъ, наконецъ потребную сумму предложилъ нижегородскій помѣщикъ Мартыновъ. Если-бы ни эта помощь частнаго лица, можетъ быть, въ сырыхъ подвалахъ Нижняго, гдѣ лежали безцѣнныя по своей старинѣ сокровища, многія изъ этихъ вещей погибло-бы и лишъ потому, что никто не хотѣлъ помочь Валуеву, сводя съ нимъ какіе-то личные счеты. Получивъ отъ Мартынова 2000 р, Поливановъ двинулся во Владиміръ, куда прибылъ благополучно и при содѣйствіи Губернатора сокровища были помѣщены въ хорошее надежное мѣсто. Во Владимірѣ Поливанову предстояло пробыть довольно долго, ибо въ Москвѣ не было зданія для храненія Государственныхъ сокровищъ, которыя до сего времени помѣщались въ старыхъ теремахъ, но въ виду неудобства было рѣшено выстроить специальное зданіе. Постройка этого зданія была закончена какъ разъ ко времени приближенія французовъ къ Москвѣ и вмѣстѣ съ другими дворцовыми постройками подвергнулася значительному разрушенію.

Черезъ три мѣсяца послѣ выхода французовъ изъ Москвы, Кремль былъ открытъ для всѣхъ желающихъ

взойти туда, въ первый разъ взшелъ туда и Валуевъ, къ мѣсту своей службы. Ввѣренныя его попеченію зданія имѣли очень печальный видъ, всѣ кремлевскія ворота сильно пострадали, главнымъ образомъ Никольскія. Верхъ Боровицкой башни еле держался, Спаская башня была въ трещинахъ и безъ крыши. Почти всѣ дворцы были безъ крышъ, съ выбитыми рамами, безъ дверей. Новая Екатерининская церковь Вознесенскаго монастыря, была также безъ крыши, безъ оконъ съ трещинами на стѣнахъ. Сильно пострадалъ арсеналь, это зданіе французы громили съ особой ненавистью, ибо когда въ Кремлѣ показались первые ряды гвардейцевъ изъ арсенала грянулъ залпъ, тамъ собрались немногіе изъ оставшихся въ Москвѣ солдатъ и эти герои не побоялись навести свои ружья на враговъ, французы бросились на арсеналь, они вытащили спрятавшихся тамъ русскихъ и прежде, чѣмъ убить предали ихъ жестокимъ мученіямъ. Среди груды камней Валуевъ сталъ искать вещи изъ Дворцовъ, здѣсь нашлись орлы съ Кремлевскихъ воротъ, бюстъ Императора Петра I, который стоялъ на крышѣ Сената, здѣсь же валялась дворцовая мебель, иконы кремлевскихъ соборовъ. Не безъ труда разбиралъ Валуевъ эти груды камня, въ его распоряженіи былъ лишь небольшой штатъ чиновниковъ и камеръ-лакеевъ, остальные были еще во Владимірѣ и нельзя было вернуть ихъ въ Москву, т. к. не было квартиръ для ихъ помѣщенія. Въ это же время жизнь Поливанова и его подчиненныхъ становилась все тяжелѣе и тяжелѣе, ихъ угнетали матеріальныя нужды. Валуевъ снова просилъ денегъ на жалованье служащимъ, просилъ объ отпускѣ особыхъ суммъ на самыя необходимыя работы, какъ-то: покрытіе дворцовъ и другихъ Кремлевскихъ зданій, но денегъ не отпускають, напрасно пишетъ онъ, что

дворцы безъ крышъ гибнуть, что снѣгъ и дождь портятъ стѣны, все остаются глухи къ голосу Валуева, и лишь черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, онъ получаетъ въ отвѣтъ, что необходимая сумма будетъ ему отпущена. Чтобы спасти хотя-бы дворцы Валуевъ находитъ мастеровъ, которые соглашаются приступить къ работамъ по покрытію дворцовъ въ кредитъ, но все остальные зданія остаются во власти снѣга, дождя и вѣтра. Домъ Ген.-Губ., бывшій въ вѣдѣніи дворцовой экспедиціи, долго стоялъ безъ рамъ и дверей, нарядныя залы и гостинныя были засыпаны грудами снѣга, вѣтеръ рвалъ старинный штофъ на стѣнахъ, птицы прятались подъ высокими сводами. Смотритель дома въ своемъ донесеніи пишетъ, что Тверской дворецъ на всехъ наводитъ ужасъ, во многихъ помѣщеніяхъ лежали трупы и рядомъ съ роскошью были видны слѣды ужасной грязи. Не смотря на это домъ оставался въ такомъ видѣ, до того времени, пока Растопчинъ не надумалъ помѣстить въ нижнемъ этажѣ Губернское Правленіе и Казенную Палату.

Оставаясь въ Москвѣ Валуевъ былъ безсиленъ чѣмъ-либо отозваться на просьбы Поливанова о помощи, онъ хотѣлъ ѣхать въ Петербургъ, чтобы тамъ рассказать о своей нуждѣ, но въ Петербургъ его не пустили. Не имѣя средствъ къ жизни, Поливановъ принужденъ былъ отправить изъ Владиміра въ маленькій городокъ Ковровъ своихъ подчиненныхъ: чиновниковъ, камеръ-лакеевъ и служителей, въ надеждѣ, что жизнь въ Ковровѣ будетъ дешевле и на тѣ скромныя остатки, которые были въ его распоряженіи можно будетъ прожить лишній мѣсяцъ. Сокровища должны были оставаться во Владимірѣ, ибо въ Ковровѣ не было помѣщенія, къ тому же безъ денегъ нельзя было

совершать этотъ путь. Получивъ объ этомъ донесеніе отъ Поливанова, Валуевъ снова молитъ объ отпускѣ необходимыхъ средствъ: „въ другихъ начальствахъ“ пишетъ онъ „отпущены не только штатныя суммы, но и особенныя, а въ моемъ начальствѣ нѣтъ и штатныхъ суммъ за прошлое время, хотя всѣ чины ревностно исполняли свой долгъ, сохранивъ все казенное имущество и архивы, не такъ какъ въ другихъ начальствахъ, дѣла коихъ разбросаны по всѣмъ улицамъ Москвы и важныя документы смѣшаны съ грязью соломой и картофелемъ“. Не смотря на справедливый ропотъ Валуева его не слушали, въ его рукахъ былъ лишь листъ бумаги, на которомъ было написано обѣщаніе исполнить его просьбы. Казалось всѣ, власть имущіе, рѣшили тормозить всякое начинаніе Валуева, независимо отъ важности самого предмета. Чины дворцоваго вѣдомства спасли отъ враговъ безцѣнный Государственный сокровища, перенося всякаго рода опасности и лишенія, томились долгіе мѣсяцы вдали отъ семей и тѣмъ не менѣе имъ не давали необходимыхъ средствъ къ жизни. Рядомъ съ кладовыми, гдѣ лежали огромныя богатства, чиновники, охранявшіе ихъ, бѣдствовали отъ нужды.

Любопытнымъ примѣромъ сведенія какихъ-то личныхъ счетовъ съ Валуевымъ можетъ служить исторія со священникомъ Тверскаго дворца Анофріевымъ.

Управлявшій Московскою Митрополіей Еп. Августинъ, очень нелюбившій Валуева, не только не исполнялъ его просьбы, но часто даже не отвѣчалъ на официальные бумаги. Въ одной изъ такихъ бумагъ Валуевъ просилъ Еп. Августина уволить священника Анофріева, ибо онъ по желанію Наполеона, отслужилъ въ его присутствіи обѣдню въ архіерейскомъ облаченіи, за что и былъ награжденъ Наполеономъ ками-

лавкой, при соотвѣтствующей грамотѣ. Казалось бы, что вина свящ. Анофріева, достаточно сурьезна какъ съ точки зрѣнія канонической, такъ и общегражданской, тѣмъ не менѣе, видя подъ бумагой подпись Валуева Еп. Августинъ оставляетъ дѣло безъ движенія и лишь послѣ твердаго рѣшенія Валуева совеѣмъ закрыть церковь Тверского дворца свящ. Анофріевъ былъ переведенъ куда-то въ другое мѣсто.

При такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ трудно было Валуеву работать, но дѣло его было важное, онъ хранилъ то, что при утратѣ никогда и никѣмъ не могло-бы быть восстановлено. Казалось все забывали объ этомъ. Трудно разгадать причину такой непріязни къ личности Валуева. Въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Растопчину Валуевъ умоляетъ его ради важности дѣла, въ это тяжелое время, забыть вражду и непріязнь, при этомъ Валуевъ приводитъ любопытный примѣръ, который имѣлъ мѣсто при Царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ: бояре Рѣпнинъ и Морозовъ заклѣтые враги, въ Боярской Думѣ очень часто поддерживали другъ друга. Удивленный этимъ Царь спросилъ ихъ однажды— „Государь“, отвѣтилъ Рѣпнинъ, „мы сидимъ въ Боярской Думѣ и переступая порогъ оставляемъ за дверью нашу вражду, мы были-бы невѣрными сынами нашей родины, если-бы сводили личные счеты здѣсь совершая государственное дѣло“.

Послѣ долгихъ испытаній, переписки и слезныхъ просьбъ, Валуевъ получилъ деньги и 16 іюля 1813 г. Государственныя сокровища прибыли въ Москву, они были помѣщены въ новомъ зданіи, которое было отремонтировано. Черезъ нѣсколько дней Поливановъ отправился въ тѣ потайныя кладовыя, въ которыхъ спрятали онъ вещи, которыя не могъ увезти съ собой въ Нижній и которыя нашелъ онъ почти въ цѣлости,

послѣ выхода французовъ изъ Москвы. Подходя къ дверямъ онъ увидѣлъ, что наложенныя имъ въ декабрѣ печати были сорваны, кладовыя разграбленны. Судьба сохранила эти вещи, отъ враговъ, чтобы дать ихъ на разграбленіе своимъ же русскимъ. „Постыдный фактъ“ пишетъ Поливановъ „больно говорить“.

Нельзя не признать огромныхъ заслугъ передъ отечествомъ Валуева, Поливанова и его сотрудниковъ, если-бы ни ихъ честное исполненіе своего долга, энергія и предприимчивость, то можетъ быть многое что дорого намъ, на что любимъ мы теперь въ залахъ Оружейной Палаты, на чемъ останавливается нашъ взоръ въ Кремлевскихъ Соборахъ, все это могло-бы погибнуть, и достаться врагу.

Такъ кончилась интересная страница изъ исторіи 12 года.

С. Цвѣтковъ.

